

Иероним Ясинский

Фауст

Иероним Ясинский

Фауст

«Public Domain»

1884

Ясинский И. И.

Фауст / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1884

«Вечернее небо погасало, и губернский город оживился. В казённом саду загремела музыка. Встала пыль розовым облаком. Виктор Потапыч Пленин смотрел на улицу из окна своего дома, пускал колечками табачный дым и, прихлёбывая чай, скучал...»

Иероним Ясинский

Фауст

I

Вечернее небо погасало, и губернский город оживился. В казённом саду загремела музыка. Встала пыль розовым облаком.

Виктор Потапыч Пленин смотрел на улицу из окна своего дома, пускал колечками табачный дым и, прихлёбывая чай, скучал.

– Виктор, ну чего ты сидишь на самом виду и без сюртука? Будет идти мимо начальник, взглянет, и нехорошо: подумает, – подчинённый это нарочно в неглиже, чтоб начальству сделать неприятность. Виктор, Витя, ты слышишь? Кому я говорю, Витечка?

Виктор Потапыч молчал. Он набрал дыму полный рот.

– Смотрит! Противно, ей-Богу! Витечка! Отчего ты не слушаешься? Послушайся меня, ангелочек! Надень пиджак. Он совсем теперь чистенький, я пятно замыла... Надень, котик, надень, буркотик!

Она подошла к нему, держа в обеих руках холщовый пиджак; он, не глядя на неё, подставил плечи.

– Надень в рукава, Витечка, будь умница! Скажите, надул щёки! Да ты спятил, что ли? Это что за опыты? Он себе язык коптит!

Ладонью она слегка ударила его по щеке.

– Послушай, Наденька, ты много себе позволяешь, – сказал Виктор Потапыч нахмурившись.

Однако, он надел пиджак в рукава и ничего не возразил, когда жена потрепала его по другой щеке.

– Витечка, отчего ты такой мешок? У всех мужья – как мужья, а ты Бог знает на что похож! Тюлень, право, тюлень! Ради Бога! Человеку ещё сорока нет, а он уже опустил, сгорбился, на жену не обращает никакого внимания! Да что с тобой, Витя?

Ответа не было.

– Виктор, а Виктор! Знаешь, я приглажу твою шляпу, пойдём в сад. Пойдём, миленький, пойдём, славненький.

Пленин мотнул головой и опять набрал дыму в рот. Ему никуда не хотелось. Надежда Власьева рассердилась и сказала:

– Я одна пойду, если так. Это из рук вон! Он сделал из меня кухарку, прачку и забыл, что он – муж. Тиран, животное! Подожди ж ты, я тебе дам знать, я встречу с Петром Николаевичем и уж душой не буду, – пусть он целует мне руки... пусть!

Угрозы этого рода имели значение десять лет тому назад. Но теперь тощая косичка заменила прежние косы Надежды Власьевны, щёки впали, губы побледнели. Виктор Потапыч остался равнодушен.

Надежда Власьева хлопнула дверью и стала наряжаться. Через четверть часа она вышла, шумя юбками, распространяя кругом запах одеколона; на её шляпке волновалось пожелтевшее страусово перо.

Не глядя на мужа, с самым строгим лицом прошла она мимо него. Он не двинулся, не сказал: «Подожди, и я с тобой!» – а молча курил и окончательно раздражил тем Надежду Власьевну.

Издали, со стороны сада всё доносились звуки музыки. Надежда Власьева обогнула угол и исчезла, и Виктор Потапыч остался один.

Но не прошло и пяти минут, как Надежда Власьевна показалась опять. Она была расстроена, нервно сжимала зонтик и, войдя в дом, грозно хлопнула дверями в передней, затем в гостиной и в спальне. С потолка упал на крашенный пол кусок штукатурки.

Виктор Потапыч нахмурился и ждал, что будет дальше. С треском распахнулись двери. Срывая с себя шляпку, перчатки, кофточку, бия костлявыми руками в грудь, Надежда Власьевна слезливо стала кричать:

– Муж! Это муж! Да ты терзаешь меня, ты заел мой век, ты – самый ужасный деспот! Из-за тебя я не знаю минуты отрадной, ты не доставляешь мне никаких удовольствий! Даже в сад с тобой нельзя пойти! Неужели же я могла одна гулять! Да за кого меня приняли бы!.. Ах, жизнь, ах, каторга! Лучше я старой девой осталась бы, я была бы свободна! Лучше я поступила бы в горничные, в экономки!..

Она упала на диван и, закинув голову, рыдала. На улице остановилась кухарка из соседнего дома, пылливо посматривая в открытые окна. Виктор Потапыч схватил стакан с недопитым чаем, хотел ударить им о пол, но сдержал себя, надел шляпу и вышел. Рыдания Надежды Власьевны стали громче, перешли в истерический хохот, и к кухарке присоединилась горничная, ещё какая-то женщина, и ещё; так что в конце концов образовалась перед домом Пленина кучка любопытных. Надежда Власьевна, сообразив, что муж уже далеко, замолкла и, встав, заперла окна на задвижки.

II

«Вечная история!» – думал Виктор Потапыч, с немою яростью вспоминая, что целых пятнадцать лет, почти ежедневно разыгрываются в их доме истерические сцены. Надежда Власьевна вспыхивает из-за каждого пустяка. Они ссорились за обедом, когда Виктор Потапыч отказывался от другой тарелки супу, – вечером, когда он не хотел идти в гости, – ночью, когда он слишком громко начинал храпеть. Они ссорились, едва он открывал рот, и ссорились, если он молчал. Они ссорились из-за мнений, из-за вкусов, из-за симпатий или антипатий к людям. Бесчисленное множество поводов к ссорам было у них, и он видел, что в будущем их станет ещё больше.

Он направлялся бесцельно, широко шагая по пыльному тротуару. Ему часто приходилось убегать из дома, и он машинально выбирал почти всегда эту улицу. Она была тем хороша, что скоро кончалась и позволяла ему оставаться наедине с самим собою. Кончалась она обрывом, по которому вилась жёлтой змеей глинистая дорожка. Отсюда виднелся луг, с косо перерезывавшей его речонкой, которая то серебрилась на солнце, то пряталась в камышах и раскидистых деревьях.

Он сел на откосе и думал... Пятнадцать лет адской жизни кошмаром носились над ним. Он говорил себе:

– Когда я был на университетской скамье, то золотые мечты манили меня. Мне представлялось, что я сделаю что-то большое, славное. Я хотел громкого и живого дела. На прощальной пирушке в ресторане Ензена меня качали на руках, я говорил речи. Как теперь помню одушевлённые лица, лохматые головы товарищей, благородные пожелания. Улетела молодость, и мечты рассеялись, и я одинок, или ещё хуже, чем одинок. Славный деятель превратился в жалкого чиновника, живое дело – в мёртвую канцелярщину, и скука убила интерес ко всему человеческому... Я – машина, я – нуль и не знаю, зачем я существую. Я дошёл до того, что порою мне кажутся смешны и неблагоприятны поступки людей, если они совершаются во имя общего блага. Я не верю в общее благо!.. Я не хочу служить – и служу, гну спину, говорю с начальством почтительно. Я утонул в пошлости, я сам пошляк. Чтоб иметь свой домик с гостиной и кабинетом, кусок послаще, да Станислава в петлице, да Наденьку, – я продал дьяволу душу. О, если б вернуть молодость! Если бы хоть пять лет вернуть!

Он вздохнул.

– И как я наказан! В числе моих товарищей был Черепьев. Он мало говорил, он казался тупицей. Любимым его занятием было смотреть по целым часам на Днепр, на звёздное небо. Мы смеялись над ним и его восторженным поклонением красоте. «Идеалист, – говорили мы, – мечтатель!» Недавно я встретил его. В его кудрях серебрится уже седина, но глаза его горят молодым огнём, все его движения напоминают юношу. Он художник и не знает скуки. Боже, он молод!

Он сжал руки и тоскливо смотрел в даль.

– Или вот этот, Ивановский... Бросил службу, стал писателем. Он живёт высшим существованием, он славен, и до глубокой старости будет улыбаться ему жизнь. Он тоже молод. А тот, Неказистов? Генерал в тридцать шесть лет, имя его гремит в газетах, он одержал несколько побед и, должно быть, утопает в блаженстве. Нет, родится же человек в сорочке! Какая несправедливость! Одному знакомы все высшие радости, другой захлёбывается в болоте. За что?

Над равниной поднялся тонкий белый туман. Вечерняя свежесть охватила Пленина.

– Когда я сравню свою жизнь с жизнью отца, то получается поразительное сходство. Тоже он был чиновником и гнул спину, также вечно ссорился с покойной матушкой. Это уж в крови, это роковое, тут закон наследственности! И как подумаешь, что я считал отца отжившим человеком, врагом прогресса, слепцом!..

Он закрыл лицо руками.

Молодая девушка приблизилась к нему. Она с безмолвным любопытством смотрела на его склонённую фигуру. Она была высока и стройна. Чёрные кольца волос развевал ветерок. И большие огнистые глаза глядели лукаво и пугливо.

Шорох, произведённый ею, заставил Пленина отнять руки. Он с недоумением глянул на девушку. Откуда взялась она?

Она была без шляпки, и её смуглая кожа имела золотистый оттенок, губы алели как пурпур. На бело-розовом волнистом платье пестрели букетики живых цветов – анютиных глазок, васильков, спелой земляники. Из тех же цветов и ягод висел веночек у неё на руке.

– Кто вы? – спросил он.

Она не ответила. Тень тревоги скользнула по её лицу. Алые губы насмешливо дрогнули.

Он смутился и не смел повторить вопрос.

Она повернулась и бегом бросилась назад. Она бежала легко как дикая коза. Он слышал шелест её развевающегося платья. Ему чудилось, что звенит её смех, нежный как соловьиная трель. И он долго смотрел ей вслед, пока не скрылась она между деревьями, там, где сгустилась вечерняя тень. Он вспомнил, что в овраге есть несколько полуразвалившихся домиков, и подумал, что эта девушка живёт в одном из них.

Но кто она? Она подкралась как привидение и так же быстро исчезла. Никогда прежде он не встречал её здесь, и едва ли она из местных. Она не крестьянка и не барышня. Она красавица, стан её не знает корсета, грудь благоухает молодостью...

Он задумчиво смотрел на равнину, которую вместе с туманом, с деревьями, с камышами, с потухающим серебром речки одевал изголуба-розовый сумрак, – и образ странной девушки стоял пред ним, заслонив собою все его недавние муки и сомнения.

III

На другой день Виктор Потапыч угрюмо писал бумагу; начальник считал её очень важною; но ему она казалась ничтожной и смешной. Он сидел за своим секретарским столом. Его каблук протёрли на полу две глубокие борозды, деревянные ручки кресла лоснились как костыли нищего. Видно было, что долго и усердно сидит на этом месте Виктор Потапыч. Зелёное сукно на столе отлепилось и усеяно многочисленными чернильными звёздами. Черниль-

ница из жёлтого фаянса точно свидетельствовала своим неприглядным видом об убожестве мысли, черпаемой из неё секретарём.

Было тихо в управлении. Синие столбы табачного дыма золотились на солнце, перья скрипели, и только в маленькой комнате, где сидели вечно праздные ревизоры, слышался сдержанный разговор.

Из кабинета вышел начальник, высокий красивый немец с рыжими военными усами и глуповатым лицом, держа в руках фуражку и перчатки, и, как только исчез за дверями, все чиновники сорвались с мест и стали шумно беседовать. Ревизоры подошли к Виктору Потапычу, бухгалтер и его помощники образовали круг. Одни писцы продолжали сидеть в согбенном положении.

– Отправился в казначейство серии покупать! – сказал помощник секретаря, кивнув головою в сторону начальника.

– Да нет, он просто завтракать поехал, – заявил бухгалтер. – Тут сиди с девяти до двух, а он, изволите ли видеть, прохлаждается! Для него закон не писан!

– Ха-ха-ха! Известно, для кого законы не писаны.

– Дурак, – со вздохом промолвил бухгалтер, – а вот подите – управляющий!

– Дуракам счастье.

В числе чиновников был один только что поступивший на службу. Товарищи стали рассказывать ему, как их начальник требует у Виктора Потапыча несуществующие тома законов, как он лжёт, хвастаясь своим знакомством с Бисмарком, какие он промахи делает при ревизии заводов, какой он картёжник, и как вся губернская аристократия презирает его.

Виктор Потапыч сидел, откинувшись на спинку кресла; перо он заложил за ухо; большие серые глаза его смотрели на всех зло и насмешливо из-под тонких умных бровей.

Червь скуки, который его грыз, грыз и его товарищей. Они раздражались, злословили, бездельничали, потому что не знали, как иначе убить время. На службу они являлись с единственной целью как-нибудь скоротать день, и с тою же целью являлся их начальник. Начальник обманывал их, они обманывали начальника. То, что можно было сделать в час, они делали шесть часов. Когда же и такой работы не было, они выдумывали её, и тогда писались циркуляры и бумаги общего характера, или загоралась бесплодная и ненужная переписка с другими ведомствами. Но часто дни проводились как сегодня. Начальник заказывал Виктору Потапычу какую-нибудь бумагу, уверяя, что от неё зависит судьба акцизного дела в губернии, и уходил. Виктор Потапыч брался за перо и слегка переделывал один из прошлогодних циркуляров управляющего, совершенно равнодушно относясь к судьбе вообще какого бы то ни было дела. Между тем, около его стола собирались чиновники, садились кто на стол, кто на ручку кресла, и начиналось злословие, изливание жёлчи, накипевшей от праздномыслия и безделья. И всегда злобу дня составлял управляющий. Как лакеи чернят барина, у которого служат, так чернили его эти чиновники. Они не прощали ему ни приставных воротничков, ни мытых перчаток, ни заплатанных ботинок. Им были известны все мелочи его существования. Они радовались его неудачам, его проигрышам и его ошибкам в русском языке. Однажды он написал на департаментской бумаге: «к куроводству» вместо: «к руководству». Эту резолюцию, сделанную карандашом, они покрыли лаком, и с тех пор, при воспоминании о ней, заливаются хохотом. Он был их враг, но вражда эта была такая же, как та, которую питал Виктор Потапыч к Надежде Власьевне. Вражда от нечего делать, вражда от скуки, ничтожная, мелочная вражда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.